

Марина СОЛОВЬЕВА

Родилась в Горьком. Окончила Горьковский медицинский институт и всю жизнь работает врачом – дерматовенерологом, онкологом, лазерным хирургом.

Автор романа «Усохни, перхоть, или Школа, которой больше нет» (Нижний Новгород: издательство «Книги», 2021), награждена медалью «Федор Достоевский 200 лет».

Живет в Нижнем Новгороде.

УНТЫ

Последние две недели только и разговоров было, что о приезде моего брата Гены с Камчатки. Все знали, что он должен вернуться, но никто не знал точной даты. Его ждали всей семьей. Мама с бабушкой чуть не каждый день пекли вкуснейшие пироги со словами: «А вдруг Геночка завтра приедет!» Дед просматривал сводки погоды полуострова и громко нам всем докладывал прогноз на ближайшие дни, а отец пытался что-нибудь узнать про брата через свои каналы связи, но что-то там не срасталось. Каждый вечер забегала Лена, девушка Гены, в надежде услышать новости о его возвращении. Но не было ни Гены, ни новостей, и мы вместе с ней с превеликим удовольствием уничтожали свежее испеченные бабушкины пироги, запивая их крепким чаем.

Гена проходил службу в армии на Камчатке вместе со своими друзьями-сокурсниками сразу после окончания института. Прошёл год, и его товарищи стали потихоньку возвращаться домой, не было только Гены. Лена верно ждала его все это время, они переписывались, и иногда она зачитывала нам строчки из его писем. Мне было тогда лет восемь, я училась в одном классе с ее младшей сестрой Иришкой и частенько бывала у них в гостях. Мы общались, несмотря на большую разницу в возрасте, потому что нам обеим было интересно поговорить о моем брате – чудесном, веселом, искреннем и открытом человеке, который вмиг умел сделать жизнь ярче и интересней.

Генка появился, когда все уже устали ждать и готовиться к его приезду. Он приехал без предупреждения, ворвавшись свежим ветром в нашу небольшую квартирку и закружив всех нас невероятными рассказами про Камчатку. Он говорил, что это лучшее место на земле, где дети учатся кататься на лыжах раньше, чем ходить, икру там едят ложками, а гигантскими крабами и морскими ежами никого не удивишь. Ни для кого не секрет, что в эти места можно улететь в командировку на неделю и застрять там из-за нелетной погоды месяцев на пять...

Генку можно было слушать бесконечно, что мы все и делали. Ни в каком другом месте он не представлял своей дальнейшей жизни. Только Камчатка и Тихий океан, где купаются все, включая даже не умеющих плавать. Счастливая Лена сидела рядом, смотрела на него влюблёнными глазами, держала его за руку и была готова ехать с ним на край света хоть завтра. А Генка продолжал воодушевленно заряжать нас эмоциями, и я неожиданно для себя заметила, что со всеми вокруг долго и обстоятельно говорю только про волшебную Камчатку, а моя способность выражать мысли кратко куда-то улетучилась, исчезла под шквалом Генкиного красноречия.

– Хочешь, я привезу тебе унты? – брат, прервав свой очередной рассказ, неожиданно повернулся ко мне. – Или по почте пришлю? Там зимой все местные в унтах ходят. Это такие сапожки из меха на тёплой войлочной подошве. В основном используют олени шкуры, а верх украшают широкой полосой ткани с вышивкой бисером или нитью. Это называется билэ, и такие унты выглядят потрясающе. По контуру билэ делают красивую окантовку из меха норки.

– Конечно, хочу, очень хочу! – у меня даже дыхание прервалось. Я сразу представила себя, идущую в школу в белоснежных унтах со вставками из разноцветного бисера, – аж дух захватило от предвкушения такой красоты. Я покосилась на свои скромно стоящие у двери в луже растаявшего снега чёрные валеночки в галошах. Они показались мне убогими, погрустневшими и даже расплакавшимися от такой неожиданно замаячившей конкуренции.

– Значит, будут тебе унты! Как доберусь до Камчатки, первым делом куплю и сразу вышлю! – Гена уверенно и весело потрепал меня по щеке и, посмотрев на Лену долгим и внимательным взглядом, негромко и очень весомо добавил: – А ты, как приедешь, сама себе по размеру и цвету выберешь все, что понравится. Ты будешь самой красивой на полуострове, настоящей королевой Камчатки и трех омывающих ее морей и, самое главное, моей королевой! – последнюю фразу он шепнул Лене почти в ухо, но я успела расслышать.

Генка уехал назад примерно через месяц, чтобы дорешать вопросы с жильем и работой. Лена не спеша занималась свадебными приготовлениями, шила платье с фатой и ждала команды на выезд, пребывая в состоянии низкого старта, но команды все не было, как и вестей от Гены. Мы шутили про нелётную погоду и про очередной непредвиденный затяжной шторм. Я каждое утро проверяла почтовый ящик в ожидании извещения о посылке и продолжала мечтать; разговаривала с унтами во сне, представляла, как сначала поглажу их по жесткой непокорной шерстке, нальюсь на них вдоволь и только потом надену. И больше никогда не сниму, и никто не заставит. Никто не сможет этого сделать ни за что и никогда, точка. Я узнавала, можно ли в белых унтах ходить в школу без сменной обуви и ссорилась с классным руководителем, доказывая, что обувь белого цвета не может быть грязной. А унты все не приходили и не прилетали, не приплывали и не подавали никаких признаков движения в мою сторону. Через день я бегала на почту узнавать, не потерялось ли извещение о посылке. А вдруг мои белые унты давно глядят на почте и ждут не дождутся, когда же я наконец прибегу за ними и вызволю из душевного плена. Но их там, увы, тоже не было. Через месяц меня уже знали все работники почтового отделения и сочувственно мотали головой, как только я переступала порог. Но я не сдавалась и ждала изо всех сил. Я начала рисовать в своей

голове картины, как Камчатку завалило снегами и нарушились все связи с Большой землей, самолеты не летают, телефоны не работают и невозможно никуда добраться, приходится думать только о том, как выжить. Но скоро, очень скоро, как только все нормализуется, мои унты отправятся в путь...

О том, что брат женился, мы узнали из телеграммы уже после того, как это произошло. Лена ходила с красными заплаканными глазами, неестественно разводила руками, пыталась что-то сказать, ловила ртом воздух, напоминая рыбу, выброшенную из воды на сушу, и категорически отказывалась верить в происходящее. Посылку с унтами я ждала ещё около двух лет.

Гена приехал в гости снова, когда я училась уже в старших классах. Он вошёл в квартиру и сразу всю ее заполнил собой. Я вдруг заметила, какая же она, оказывается, маленькая, наша квартирка. Гена стоял в центре большой комнаты и казался мне огромным, производя впечатление настоящего полярника. Куртка на меху, свитер с оленями грубой вязки, но мягчайший на ощупь, широченные плечи; борода шла ему необыкновенно, добавляя шарма; комнату наполнили запахи талого снега и хвои, завершающие образ. Гена доставал из широкой сумки большие банки с икрой, вяленую рыбу, большие клешни крабов. Мое сердце предательски колотилось, и я ничего не могла с собой поделаться, я ждала унты. В голове мелькнула мысль: «Неужели он додумался везти их в этой рыбной сумке, они же пропахнут и уже никогда не избавятся от этого запаха! Генка с видом фокусника пошуровал в сумке, что-то нащупал и объявил последний номер подарочной программы. Я затаила дыхание, а брат – со словами «але-гоп» – достал стеклянную подвеску, наполненную вулканическим пеплом, и повесил мне на шею.

– А где унты? – едва сдерживая слезы, спросила я и сдернула с себя подвеску. Генка замер, явно не понимая, о чем речь, но уже через секунду он приказал мне не расстраиваться.

– Унты обязательно будут. Не хотелось привозить обычные, ведь ты достойна эксклюзива. Заказал специально для тебя из шкуры коричневого оленя, это большая редкость, а отделка будет белая, из крашеной норки. Бисер привезут специальный красный и бирюзовый, я уже договорился с мастерами, такую вышивку умеют делать только они; просто не успели, но обязательно сделают! Пусть не быстро, но это будет очень качественно и на долгие годы! Будешь одна в городе в такой обуви ходить, и все тебя запомнят, станут рассказывать про неподрожавшую девушку в унтах.

Я слушала его и блаженно растекалась по стулу, погружаясь в нирвану, давая волю своим новым унтовым фантазиям. Конечно, я была готова ждать сколько угодно, я хотела эксклюзива и штучного товара, мне хотелось соответствовать брату, который был таким настоящим, не испорченным цивилизацией человеком с Дальнего Востока, поражающим своей масштабностью и уверенно строящим карьеру в невероятно трудных условиях.

Вечером Гена пришёл вместе с Леной. Они держались за руки и все время обнимались. Брат сокрушался, что по глупости женился, сделал самую большую ошибку в жизни, что дело неминуемо идёт к разводу и жить дальше с нелюбимой женщиной невозможно. Останавливает только дочь, это только ради неё он страдает и мучается, ведь настоящие мужчины своих детей не бросают. Но любой ребёнок рано или

поздно вырастает, и до личного счастья осталось совсем чуть-чуть. А счастье возможно, конечно, только с Леной, единственной и неповторимой, и брат это понял давно и бесповоротно. Он прижимал к себе Лену большой мускулистой рукой, смотрел ей в глаза долгим взглядом, называл своей судьбой, а себя идиотом, поскольку осмелился от этой судьбы свернуть в сторону. А от судьбы, как всем известно, не уйти, бесполезно. Брат сетовал, что однолюб, а таким людям противопоказано идти против себя и обстоятельств, какими бы сложными они вдруг ни оказались. Лена нежно краснела, расслабленно смаковала его каждое слово, словно тонула в кружке с тёплым чаем, которую уже минут сорок держала в руке, забывая отпить хоть плоточек, и слишком часто поправляла веревочку, на которой висела моя несостоявшаяся стеклянная подвеска с вулканическим пеплом.

Гена был в своём репертуаре, душевный и неповторимый, он искрил юмором и по-прежнему заражал всех вокруг энергией и оптимизмом. Его улыбка разила наповал. Мы грелись в его лучах и в который раз уже слушали про Долину гейзеров, куда возят всех туристов, про то, как в мае Гена не всегда может найти машину под слоем снега и боится, что ее сгребет трактор, как покупает водку по пути на рыбалку и рыбу, когда возвращается. Он искренне приглашал всех в гости и обещал решить вопрос с билетами. А я думала, что обязательно съезжу в этот удивительный край и обязательно куплю там себе ещё одни унты, белоснежные, потрясающие, с окантовкой и вышивкой, из моей далекой детской мечты.

Гену провожали на вокзале всем семейством. Лена плакала, брат вытирал ее слёзы и шептал в ухо что-то веселое. Она улыбалась и снова плакала.

Паровоз погудел на прощание, Генка помахал нам, свесившись с подножки поезда, и уехал в столицу, откуда через пару дней планировал улететь на свой любимый полуостров. Начался новый этап ожидания. Я уже не бегала, как сумасшедшая на почту, понимая, что уникальные авторские вещи делаются небыстро. Пусть унты будут коричневые, раз Гена так решил, значит, так и надо, он знает в этом толк. Я закрывала глаза и представляла крупный яркий бисер, красный и бирюзовый, который добавит исключительности моим меховым сапожкам. Через какое-то время я поняла, что именно эти цвета являются моими самыми любимыми, что лишний раз доказывало полное и абсолютное совпадение наших с братом вкусов. И я срочно начала вязать себе шапку такой же расцветки. В этом деле я не была большой умелицей, мне постоянно что-то не нравилось, я вязала и распускала, и снова вязала, пытаюсь довести шапку до совершенства. Я прекрасно понимала, что уникальная обувь обязывает, и шапка должна стать достойной парой унтам. Преодолев все свои вязальные мытарства, я, наконец, сотворила неожиданный для себя подвиг, блестяще завершив работу над бирюзово-красной шапочкой и шарфиком. Потом я незаметно для себя справилась с кофточкой, юбочкой, брючками в таких же тонах. Хотелось сотворить чего-нибудь еще подобное, но я волевым решением заставила себя остановиться, поскольку известий про унты так и не было. Гена писал крайне редко, ссылаясь на плохую погоду, активно развивающуюся карьеру, большую занятость на работе.

Через год я случайно встретила Лену на улице. Мы давно не виделись, были рады друг другу и даже обнялись при встрече. Она грустно

сообщила, что с момента прощания на вокзале не получила от Гены ни одного письма. На фоне этого моя история с заблудившимися в очередной раз унтами казалась ничтожной.

– Это не просто так, что-то у него случилось, а он не может со мной поделиться или жалеет меня, поэтому и не пишет. – Лена никак не хотела видеть действительности, она, упорно оправдывала брата каждым словом, как будто подрисовывала его своими красками, добавляла несуществующих деталей, постепенно доводя до идеала.

Я не знала, что сказать в ответ. Почему-то пришло в голову, что обязательно, рано или поздно, пройдет необыкновенный дождь и смоеет с Генки все эти краски, и останется он таким, какой есть на самом деле: с ветром в голове, вечным поиском лучшей жизни и морем обещаний, в которые свято верит, но тут же забывает или выбрасывает из головы, как ненужный хлам.

Чем дольше я слушала Лену, тем отчетливее понимала, что никаких унтов я не дожусь. Если он так легко смог забыть ее, то о каких меховых сапожках для меня может идти речь. Я приказала себе больше никогда не вспоминать эту тему. Жизнь, в конце концов, на унтах не заканчивается. На следующий день я купила на рынке белые валенки, расшила их красными цветами с бирюзовыми листьями, приклеила наверх меховую опушку, пустив под ножницы старый мамин песцовый воротник серого цвета, и аккуратно украсила яркими бусинами любимых расцветок, приобретя их в соседнем галантерейном магазинчике. Я потратила на все это творчество дня два. А еще через два дня ко мне посыпались заказы на авторские валенки. Так я нашла свое дело, которым с удовольствием занимаюсь до сих пор. Из нашего городка я перебралась в столицу, работаю уже давно не одна, а с большим коллективом. Валенки мы делаем на собственном производстве разнообразных цветов и моделей и расцветок, но непременно украшенные бусинками, и любимыми по-прежнему остаются красно-бирюзовые тона.

Брата я увидела только через тридцать лет. Нет, он, конечно, не пропал на все это время, просто жизнь нас как-то разводила по разным сторонам и встретиться не удавалось. Гена периодически звонил родителям, рассказывал про свои успехи в бизнесе и на государственной службе. Папа даже летал к нему пару раз в гости, но со мной его пути не пересекались.

Гена приехал в родной город после смерти жены и остановился у родителей. Я выехала к ним на следующий же день и всю дорогу обдумывала, как и что буду говорить брату, чтобы поддержать его и попытаться вернуть к жизни. Открыв дверь своим ключом, я сразу услышала знакомый жизнерадостный голос, рассказывающий про загадочный, вдохновляющий и экзотичный полуостров Камчатка, про то, как там девять месяцев холодно и еще три месяца очень холодно; про снег, который начинает таять только в мае, про безналичный расчет, подразумевающий под собой ведро красной икры...

– Генка! – завизжала я, забыв про все придуманные мной в пути слова утешения, и бросилась в его объятия. Брат улыбался и, как прежде, светился изнутри. Я оторвалась от него, пытаюсь рассмотреть. Поседел, поздоровел, обзавелся сеточкой мелких морщин под глазами, но не растерял своей мощной харизмы и притягательного магнетизма, как всегда все при нем.

– А у меня через час встреча! – объявил Генка, довольно погладив себя по выступающему животу. – Угадай с одного раза, с кем?

– Неужели с Леной? – Я обмерла от такого поворота событий. – Ты знаешь, на всякий случай, она давно замужем и счастлива в браке?

– В браке она, конечно, счастлива, но любит-то меня! Я нашел ее в социальных сетях, судя по фотографии, изменилась мало, предложил пожениться. А чего тянуть, возраст уже никаких проволочек не допускает, да и мы друг друга всю жизнь знаем. Переписывались несколько месяцев, уже обсудили все основные моменты. Лена согласна, да она уже и мужу обо всем рассказала. Вопрос решен. Женюсь. Сегодня плывем вместе на прогулочном кораблике, – Гена пытался впихнуть в большой сувенирный пакет бубен, расписанный, видимо, традиционным орнаментом народов Дальнего Востока, с надписью «Камчатка» и большущего медведя, сделанного из костей каких-то животных. Громоздкие сувениры никак не хотели укладываться вместе, но брат не унывал и подшучивал, что как только Леночка захочет его увидеть, то ударит в этот бубен, и он тут же примчится к ней, где бы в это время ни находился.

– А зачем ей этот медведь, напоминающий кладбищенскую статую? – высказала я свои сомнения.

– Это только первое впечатление такое, – не растерялся Генка. – У этого косолапого тайничок есть. Включай фантазию!

Брат покрутил медведя, потряс, на что-то нажал и вытащил маленькое колечко с камушком, очевидно тоже предназначенное для Лены, и что-то запел про обручальное кольцо.

Генки не было достаточно долго. Он появился к вечеру в состоянии полного разочарования и без пакета.

– Это уже совсем не та Лена! – начал он прямо с порога. – Это какая-то тетка в платье из прошлого века. Нет, ты не понимаешь, с ней и говорить-то особо не о чем, плывем на кораблике и молчим. А она еще и говорит, что только с самыми близкими людьми ей так комфортно молчать. А с чего она взяла, что мне это тоже комфортно. Я молчал оттого, что не знал, как из этой дурацкой ситуации выйти, и минуты считал, когда же наше судно наконец-то причалит. – Генка пошуровал в карманах, достал знакомое колечко с камушком и протянул мне, уточнив, что оно теперь мое.

– Гена, ты знаешь, что такое раздолбайство? Это когда степень ответственности оставляет желать лучшего! Ты же уже взрослый, можно сказать, пожилой человек, ну разве так можно? – Я представила постаревшую, но полную надежд Лену, отправленную назад к мужу с дебильным бубном и несуразным тяжеленным медведем в руках.

– Я проводил ее домой, прямо до квартиры. Мне показалось, она была немного взволнована и даже расстроена. Но эта бабушка не из моей сказки, и я ничего не могу с собой поделать. Зачем она выставила в «Одноклассниках» фотку двадцатилетней давности? О чем она в тот момент думала? Сама во всем виновата!

– Вот ты весь в этом! Бедная Лена! Что с ней теперь будет? – Я уже перешла на крик, из глаз катились слезы. – А унты мои где? Ты мне их всю жизнь везешь и никак не довезешь! Я тебя спрашиваю, где мои унты?

Генка непонимающе хлопал глазами и был совершенно ошарашен моей реакцией. Вдруг он стремительно ринулся в угол комнаты, где стоял его огромный чемодан.

– Ты только не переживай, не надо, будут тебе унты! Конечно, я их тебе привез, как же может быть по-другому? Только не плачь, не терплю женских слез! – брат в своих поисках наполовину погрузился в недра чемодана и работал руками с утроенной скоростью. – Ну, слава богу, нашел, – он выпрямился, вытер рукой лоб и с потрясающе искренней улыбкой протянул мне сувенирные, размером со спичечный коробок, унты на веревочке.

Мои слезы в секунду высохли, и я начала с диким хохотом стала кататься по полу, пугая ничего не понимающего седовласого Генку еще больше.

Брат улетел на полуостров огненных вулканов, любопытных медведей, бескрайних полей с ягодами и цветами, увозя с собой мою бывшую одноклассницу Иришку, младшую сестру Лены. Она моложе сестры на пятнадцать лет и очень похожа на его первую любовь в молодости. Они поженились уже на Камчатке. А Лена после долгих слез, соплей и объяснений вернулась к мужу.

Унты – моя мечта – стоят за стеклом серванта, напоминая, что где-то далеко на уникальном полуострове Камчатка у меня есть уникальный брат Гена, с которым никогда не соскучишься.